

ШАМИЛЬ
ИДИЯТУЛЛИН
ВОЗВРАЩЕНИЕ
«ПИОНЕРА»

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Оформление переплета и иллюстрации
Виктории Лебедевой

Идиатуллин, Шамиль Шаукатович.
И29 Возвращение «Пионера» : роман / Шамиль Идиатуллин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. — 349, [3] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-148258-9

«Возвращение “Пионера”» — новый роман Шамиля Идиатуллина, писателя и журналиста, дважды лауреата премии «Большая книга», автора романов «Город Брежнев», «Бывшая Ленина», «Последнее время».

В 1985 году трех школьников отбирают для участия в секретной космической программе «Пионер». Подростки должны помочь человечеству покорить Вселенную, а прежде — спасти его от смертельной угрозы. И это только начало испытаний. Когда они вернутся на Землю, то обнаружат, что попали в далекое будущее, где их никто не знает, где не существует их страны и где не осталось почти ничего, чем они дорожили и ради чего шли на жертвы. Героям придется или смириться с этим, или, в соответствии с клятвой, — жить, учиться и бороться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Идиатуллин Ш.Ш.
© Лебедева В.И., оформление
переплета, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-148258-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

ДАВНО НА АВТОМАТИКЕ

7

ДРУГОЙ ПРОЛОГ

ЧЕРЕЗ СУТКИ, ЧУТЬ БОЛЬШЕ

15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЙ СБОР

25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ

69

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПИОНЕРСКИЙ СЛЕТ

107

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НО И КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР

133

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПОЛНЫЙ ФИНИШ

151

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ДОЖДАЛИСЬ

205

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

245

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД

291

ЭПИЛОГ
ПОЛОВИНА УСПЕШНОГО РЕШЕНИЯ

343

Пролог

Давно на автоматике

Паренька Сергей заметил перед посадкой и вскоре забыл.

Заметил, потому что паренек показался смутно знакомым и несколько странноватым. Это немного сбивало с толку: странности хорошо запоминаются и опознаются, а пацана Сергей опознать не смог. Даже не понял, что именно знакомо — внешность, одежда или манера — и чем именно странновато.

Вроде обычный парень лет четырнадцати, аккуратный, скромно одетый, симпатичный, стоит себе в дальнем углу и смотрит. Но что же в этом обычного: рослый симпатичный парень одет не просто в небрендовый шмот, а в совершенно невзрачный и незапоминающийся прикид, будто дедушка упаковывал, стрижен чуть ли не под машинку, не хмурится, не ржет и не корчит рожи, а смотрит спокойно — на людей, а не в экран. Сергей понимал, что личный его опыт может быть не очень показательным и дети бывают не только такими, как Тимофей и Дарья или любые их приятели. Но до этой минуты он не представлял, что современный подросток умеет обходиться без телефона дольше двух минут — разве что в бассейне, и то ведь норовят протащить.

Малой в углу тем и обратил на себя внимание, что несколько минут спокойно стоял — свесив руки, а не сунув их в карманы, не теребя пальцы, не барабаня ногтями по штанине и, в чем самая-то дичь, даже не пытаюсь выдернуть из кармана телефон, проверить ленту, ответить на сообщение или сменить трек.

Самого Сергея телефон отвлек от вялых наблюдений раз семь — провожающие и встречающие беспокоились, спамеры не забывали, ну и Карина, конечно, мониторила, как уж без нее.

Точно не Дашкин одноклассник или дружок, я бы на контрасте запомнил, заключил Сергей, глянув на паренька в очередной раз. Да этот и помладше явно. Впрочем, на фоне нынешней Дашки даже выпускники кажутся помладше. А парень, наоборот, выглядел не по возрасту собранным.

Без наушников, без капюшона, без маски, и зрочки, скорее всего, нормальные, судя по тому, как неторопливо и профессионально, что ли, пацан наблюдал за площадкой перед посадочными воротами, лишь иногда отвлекаясь на панорамное окно, за которым на рулежке торжественно ползали два «боинга», будто определявшие с помощью ритуального танца, кому выпадет честь доставить Сергея с попутчиками в столицу нашей Родины — город-герой Москву. По Сергею пацан скользнул тем же равнодушно-деловитым взглядом, но не как охранник в магазине, а как начальник, выбирающий достойных его высочайшего внимания. На Сергея так смотрели всего несколько раз в жизни. И не выбирали, кстати. Было больно. Не хватало еще, чтобы этот список пополнил левый сопяк.

Да гуляй ты лесом, придурок жизни, осколок унитаза, подумал Сергей внезапно всплывшей из детства фор-

мулировкой, ухмыльнулся и выбросил пацана из головы. Он сосредоточился на упихивании сувениров, норовивших вывалиться из кармана чемоданчика, и тут же — на проверке телефона. Что было в командировке, остается в командировке, поэтому здоровее чистить список контактов и сообщений, галерею, трекинг и прочие средства запала перед посадкой в самолет. Вспомнить последний раз, сладко потянуться, стереть и забыть.

Сергей и забыл — все и сразу, малого тем более. А в самолете не то что вспомнил — малой сам явился и сел рядом. Не плюхнулся, а именно сел в кресло у прохода — место между ним и Сергеем осталось незанятым, — деловито пристегнулся, вытянул из кармана перед собой ламинированный лист со скучными подробностями о «боинге», проглядел его с двух сторон, сунул обратно и застыл, откинув голову и разглядывая салон из-под ресниц.

Телефон он так и не достал. Кремень парень. С тоски же сдохнет.

— Привет, — сказал Сергей. — Может, у окна хочешь? Давай уступлю.

— Здравствуйте. Нет, спасибо, тут хорошо, — ответил малой неожиданно низким ровным голосом.

Он не хмурился, не улыбался, не давал отлуп непрошеному собеседнику, просто информировал. Проинформировал, чуть повернув голову, и вернулся в исходное положение.

Голос ведь тоже знакомый, подумал Сергей с досадой, которую тут же облегченно утопил в догадке: да малой боится просто. Летать боится.

Надо успокоить, понял Сергей, но решил переждать зычный рассказ про аварийные выходы и спасательные

средства — тем более что малой слушал разводящих руками бортпроводниц удивительно внимательно, единственный, наверное, в салоне. Сергей в последний раз проверил телефон, написал Карине, что взлетает, едва не забыв рассыпать положенное поголовье смайликов, выставил авиарежим и на миг прикрыл тяжелые веки.

И вздрогнул вместе с самолетом, выпускающим шасси.

Весь полет продрых. Неудивительно, с учетом обстоятельств.

Сергей улыбнулся и нахмурился, не без труда запретив себе вспоминать обстоятельства. Он потянулся, чтобы распрямить затекшие мышцы и суставы, тряхнул головой и посмотрел в иллюминатор. Действительно садимся.

Сергей повернулся к малому и отметил:

— Вот и все, а ты боялась.

Малой, искоса рассматривавший медленно проворачивающуюся под крылом огненную Москву, помолчал и ответил слегка удивленно, но спокойно и как будто с жалостью:

— Чего тут бояться?

— Правильно, — согласился Сергей. — Самолеты — самый безопасный вид транспорта. На машинах в разы больше бьются. Я просто решил, что ты впервые летишь.

Он был готов к тому, что малой нагрубит или вообще не ответит. Но тот, покривившись, сказал:

— На таком — впервые.

Ты в какой деревне ховался, столь звонкий и мало-развитый, что от семьсот тридцать седьмого уберегся, чуть не спросил Сергей с веселым изумлением, но спросил, конечно, другое:

— И как тебе?

— Да так. Тихий слишком. Как понарошку всё.

За иллюминатором взвыли закрылки. Сергей ухмыльнулся и уточнил:

— А как надо — чтобы как в кукурузнике или в этом, «Фантоме»?

— Вы на «Фантоме» летали? — спросил малой со странноватой и скорее неодобрительной интонацией.

Дурной какой-то, подумал Сергей, но все-таки пояснил:

— Кто ж на нем летал-то. Нет, конечно. Я ж не американец, слава богу, и не военный. Хотя на военных полетать пришлось — когда как ты был или чуть старше.

— На «Дельфине» или «Альбатросе»?

Сергей медленно сказал:

— На «Альбатросе» немножко, но в основном на отечественном...

Малой кивнул и понимающе резюмировал:

— Пятидесятом, ага.

— Ну, почти — пятьдесят втором, — сказал Сергей, как будто извиняясь, и разозлился на себя и на малого, перед которым он вдруг вздумал оправдываться в том, чем гордиться надо: — И это потом уже. С Ног-Юртом у меня не срослось, а в авиашколе только Як-52 были. Да и кто бы нас, мелких, без инструктора в одноместный пустил.

Малой медленно повернул голову. Сергею показалось, что зрачки у него распахнулись во всю радужку и тут же съежились в острие иглы, но пацан моргнул и сказал, будто с трудом припоминая:

— Для «Пионера» первые отряды вроде всерьез готовили, некоторых даже на миговские спарки сажали, говорят.

— В смысле — для «Пионера»? — не понял Сергей. — Это американский же вроде спутник был или станция, а я, повторяю, не американец. Или ты про магнитолу?

Малой молча смотрел на него. Сергей, теряясь, продолжил:

— Или про журнал? Не, в «Пионере» про самолеты точно ничего не было, про кораблики было, но это не в «Пионере», а в «Костре» — это тоже журнал такой детский был, ты не знаешь. Хотя, я смотрю, увлекаешься, да?

Малой так и смотрел.

— А, ты понять просто не можешь. Ног-Юрт — это Ногайский Юрт, такая авиабаза засекреченная, и там же космодром для спутников был при совке. Я в детстве туда чуть на испытания не поехал, типа «Зарницы». Отряд будущих летчиков-космонавтов, и все пацаны типа тебя — ты, кстати... Ну вот, там предполагалась специальная смена в Артеке, всякие кроссы, ныряния, центрифуги — и самолеты даже: и пилотировать, и с парашютом прыгать. Официально про это не говорили, конечно, но намеки были. А я потом уже узнал, что самых лучших должны были в Ног-Юрт послать, в отряд настоящих космонавтов. Но все в последний момент отменилось. Нас в простой лагерь заслали — на море, но не в Артек, конечно. Ну какие, правда, из пацанов космонавты? Так ведь?

Сергей улыбнулся, надеясь, что улыбка не выглядит жалко. Опять под кадыком набухла и сжалась совсем детская обида на людей, которые поманили чудом и мечтой — и не дали.

Пацан, кажется, этого не заметил. Он прижался затылком к спинке кресла и скомандовал:

— Касание, прямо садьте.

Сергей обалдело повиновался, и шасси тут же ударили в бетон, ухватили полосу и понесли по ней «боинг» — уже не прыжком, а катаньем. Впереди жидко похлопали. Сергей снисходительно пояснил:

— Посадки давно на автоматике, пилотам просто запрещено в управление соваться — кому аплодировать-то?

— Давно на автоматике, — повторил пацан с прикрытыми глазами. — Посадки на автоматике, автоматика импортная, самолеты заграничные. Своих нет. Ни самолетов, ни взлетов, ни автоматике, ни одежды.

— С бабушкой живешь, да? — уточнил Сергей, вытаскивая телефон и отключая авиарежим.

Разговор стал тухло неинтересным, а Карине требовалось написать «Сели» — традиция такая. Кругом шумно вздымались пассажиры, чтобы выдернуть ручную кладь из рундуков над головами и десять минут тупо стоять в проходе. Генетически обусловленная тоска по очередям, не иначе.

— Телефон американский? — спросил малой.

— Вот еще, — рассеянно оскорбился Сергей. — Сроду в секте яблочников не был. Все родненькое, китайское.

Малой сказал со странной тоской:

— Летать учились, в космос хотели, «Костер» читали, клятвы давали. Могли уже на Луне яблони сажать и по Марсу гулять. А вместо этого — родненькое китайское, лучшее американское, надежное немецкое. Бочка варенья и корзина печенья вместо неба и космоса. Чего ж вы предатели такие, а, Серый?

«Кто предатель?» — хотел рывкнуть Сергей, схватив, возможно, мелкого наглеца за шкирятник, но не

рвякнул. Наглеца в соседнем кресле не было. Не было и рядом с креслом — там тяжело дышала, испепеляя Сергея взглядом, толстуха в спортивном костюме. Перед нею и за нею малого тоже не было.

Шустёр бобер, подумал Сергей и обмер. Когда я представиться-то успел? Во сне, что ли? Или он карманы мне обнес, пока я дрех?

Похолодев, Сергей проверил одежду. Резко успокоился, обнаружив, что паспорт, бумажник, кеш и карты в нем, как и все остальное, на местах, но на всякий случай вскочил, чтобы выдернуть, почти не задев голову толстухи, чемоданчик — и чтобы высмотреть все-таки наглого пацана.

Высмотреть не удалось: народ в проходе, покачиваясь по-пингвиньи, пополз к открывшимся дверям. Если малой и умудрялся протискиваться сквозь эту жаркую динамическую систему, то разглядеть его не удавалось — да и смысла не было.

Сергей бегло проверил чемоданчик, совсем успокоился и ловко встроился в пингвинью колонну.

Уже через полминуты он снова, в последний раз, забыл наглого пацана, который исчез непонятно как, который говорил неприятные банальности и с которым Сергей тридцатью шестью годами раньше конкурировал за место участника экспериментальной исследовательской группы Министерства общего машиностроения СССР, проходившей в давно уничтоженных документах под кодом «КБПД “Пионер-12”».

Другой пролог

Через сутки, чуть больше

Костер оглушительно щелкнул, выбрасывая пучок искр. Остальные отшатнулись, поэтому я заржал и, наоборот, чуть придвинулся к огню — так, что кожа на скулах и даже глаза резко высохли и нагрелись, а от выставленной руки пахло паленым волосом. Есть, значит, у меня растительность на тыльной стороне ладони. Вернее, была.

— Давай-давай, сгори еще сейчас.

Мы сидели вплотную, но никого и ничего, кроме слоистого огня, видно не было. Голоса как будто сгушались из темноты — этот справа, другой слева. Прикольно.

— Это приказ? — осведомился я, обозначив, что если да, то прямо сейчас спляшу в огне, как болгарская девушка из «Клуба кинопутешествий».

— Кто же тебе прикажет, — снисходительно протянули с другой стороны.

— А во-от, — сказал я торжественно и вернулся на бревно, поерзав задницей, чтобы подвинулись. — Помните об этом, дети мои.

Справа прилетело по башке.

— Давай-давай, резвись, пока можно, — сказал я безмятежно. — Завтра под трибунал за такое пойдешь.